

БФУ
им. И. Канта

Межрегиональная
ассоциация
когнитивных
исследований

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ
МЕЖЛИЧНОСТНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ

СЕДЬМАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО КОГНИТИВНОЙ НАУКЕ

THE SEVENTH INTERNATIONAL CONFERENCE ON COGNITIVE SCIENCE

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ ABSTRACTS

20.06.16 - 24.06.16

Светлогорск
Россия

Svetlogorsk
Russia

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Межрегиональная общественная организация «Ассоциация когнитивных исследований»
Центр развития межличностных коммуникаций
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

**СЕДЬМАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО КОГНИТИВНОЙ НАУКЕ**

20–24 июня 2016 г., Светлогорск, Россия
Тезисы докладов

**THE SEVENTH INTERNATIONAL CONFERENCE
ON COGNITIVE SCIENCE**

June 20–24, 2016, Svetlogorsk, Russia
Abstracts

Светлогорск
2016

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

УДК 159.9
ББК 88
С 28

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Редколлегия:

Ю. И. Александров (отв. ред.), К. В. Анохин (отв. ред.), Б. М. Величковский,
А. А. Кибрик, А. К. Крылов, Т. В. Черниговская

С28 Седьмая международная конференция по когнитивной науке:

Тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016 г. / Отв. ред.

Ю. И. Александров, К. В. Анохин. — М.: Изд-во «Институт психологии
РАН», 2016. — 720 с.

ISBN 978-5-9270-0325-5

Конференция посвящена обсуждению познавательных процессов, их биологической и социальной детерминированности, моделированию когнитивных функций в системах искусственного интеллекта, разработке философских и методологических аспектов когнитивной науки. Программа конференции включает серию специализированных воркшопов, посвященных таким актуальным темам, как возрастные особенности когнитивного развития, ментальные ресурсы разного уровня, движения глаз при чтении и мультимодальная коммуникация. Публикуемые материалы представляют собой тезисы пленарных лекций, устных и стендовых докладов, а также выступлений на воркшопах. В электронном виде эти материалы представлены на сайте конференции (cogconf.ru), а также на сайте Межрегиональной общественной организации «Ассоциация когнитивных исследований» (МАКИ, www.cogsci.ru).

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-9270-0325-5

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2016

Lenition and Fortition Processes in Elami Kurdish “Generative Phonology Approach” (E. Sobati)	71
Dynamics of emotions in European languages (V.D. Solovev, V.V. Bochkarev, V.R. Bayrasheva)	71
Transfer of learning for approach or withdrawal with different intervals between tasks (A.A. Sozinov, A.I. Bokhan, S.J. Laukka, Yu. I. Alexandrov)	73
Cortical Functional Connectivity during Implicit Modality-Specific Anticipatory Attention: EEG-Source Alpha Coherence Analysis (I.V. Talalay, A.V. Kurgansky, R. I. Machinskaya)	74
Late second language acquisition or alphabet incongruence? (I. G. Temnikova, O. V. Nagel)	76
Can rhesus monkeys synthesize the empirical notions of the understanding into the aprioristic idea of the reason about a concrete object? (D. L. Tikhonravov, N.M. Dubrovskaya)	77
Gender factor and punctuation effect on RC attachment strategies in reading aloud task in Russian (M. S. Vlasov, E. B. Trofimova, U.M. Trofimova)	78
To risk, or not to risk, that is the decision: 20 Hz tACS of the left DLPFC modulates risk-taking (Z. Yaple, M. Feurga, M. Martinez-Saito, A. Shestakova, V. Klucharev)	79
Does searching for letters in large letter arrays containing words help to search for words more efficiently? (S. Yazykov, N. Moroshkina, M. Falikman)	80
Who’s the TSAR? Towards the True Science of Argument and Reasoning (D. Zaitsev)	81
Fixed (surplus steady) forms of behavior of individual and group systems: stereo-mind vs. stereotyped mind (G. V. Zalevskii)	83
Семантическая оценка визуального контента веб-сайтов организаций в разных культурах (М.А. Абдуллаева, А.О. Астафьева)	84
Биоморфные модульные нейронные сети (А.Н. Аверкин, И.С. Повидало)	85
Регуляция имплицитного научения посредством эксплицитной обратной связи (А.Ю. Агафонов, С.Н. Бурмистров, Ю.Е. Шилов)	86
Индивидуальные особенности реакции младших подростков на умственную нагрузку (О.Н. Адамовская, И.В. Ермакова)	88
Изучение ЭЭГ коррелятов запоминания аудиовизуального контента (А.В. Адигатуллин, В.Н. Анисимов, Н.В. Галкина, М.В. Королёва, А.О. Лужин)	89
Эмоциональное восприятие музыки различного композиционного склада (Т.А. Адмакина)	90
Влияние межмодальных последовательных эффектов на механизмы сенсорного и моторного прогнозирования (Е.К. Айдаркин)	92
Библиотека психолингвистических стимулов: новые данные для русского и татарского языков (Ю.С. Акинина, М.А. Грабовская, А.М. Вечкаева, Г.А. Игнатъев, Д.Ю. Исаев, А.Ф. Ханова)	93
Естественный билингвизм и порядок хаоса. Факты и размышления (Н.Ш. Александрова)	95
Импрессивная (сенсорная) алалия — язык без языковой компетенции? (Н.Ш. Александрова, О. Александрова)	97
Антропоморфизация виртуального партнера и психологические характеристики межиндивидуальных взаимодействий (И.О. Александров, Н.Е. Максимова, Б.П. Юркевич)	98
Регрессия (Ю.И. Александров)	100
Об одной формализации «интуитивной информации» (А.К. Алексеев)	101
Постдраматический театр как театр диалектический (у истоков когнитивного театроведения) (В.Н. Алесенкова)	103
Научение и типы когнитивного контроля (В.М. Аллахвердов)	104
Медиацзия — когнитивная технология изменения социальной реальности (О.В. Аллахвердова)	106
Усложнение основной задачи теста Струпа как способ уменьшить перцептивную интерференцию (М.В. Аллахвердов)	108
Метод простых ритмов для изучения психофизиологии эмоций (Н.А. Алмаев, С.О. Скорик)	109
Кросс-культурные особенности окулomotorной активности при оценке лиц разных рас (К.И. Ананьева, И.А. Басюл, Т.А. Швец)	110
Оценка индивидуально-психологических особенностей лиц разных рас: временной аспект (К.И. Ананьева, А.А. Демидов)	112
Идентификация объекта внимания другого человека в социальных ситуациях (Н.Е. Андрианова, М.В. Зогов, М.С. Гусева)	113
Роль сложности задачи в возникновении повторяющихся ошибок (Н.В. Андриянова, А.Д. Карпов)	115
Креативность, антиципация, гипотеза о квантовой теории происхождения сознания в междисциплинарном проекте по развитию способности трехмерного восприятия образов плоскостных изображений (В.Н. Антипов, Р.Г. Минзаришов, Л.М. Попов, Р.С. Якушев)	117
Психофизиологические различия у субъектов с аналитическим и холистическим когнитивными стилями при выполнении задачи выбора (В.В. Апанович, Б.Н. Безденежных, Ю.И. Александров)	118
Исследование зрительно-моторной координации при снижении уровня бодрствования для прогнозирования критических изменений состояний оператора (Г.Н. Арсеньев, О.Н. Ткаченко, В.Б. Дорохов)	120
Математическое моделирование когнитивных процессов шахматиста (А.Е. Афанасьева, С.А. Афонин)	121
Интенциональная организация диалогического и полилогического взаимодействия: сопоставительный анализ (В.А. Афиногенова)	123
Топографическая контаминация в языке и тексте и ее когнитивные предпосылки (Д.Н. Ахапкин)	124
Электронный архив А.Р. Лурия: прототип информационной системы (Т.В. Ахутина, Ю.С. Акинина, З.А. Черкасова, Н.С. Змановский, Т.А. Больгина, И.В. Евсевичева, В.А. Обидина, А.Р. Агрис, О.В. Драгой)	126
Арифмология русской паремнологии XIX-XXI вв (М.Н. Бабарико, С.В. Чебанов)	127
Фокусное внимание при анализе когнитивного стиля писателя в англоязычном художественном дискурсе (Н.А. Баева)	128
Изменение функциональной связанности узлов сети салиентности у пациентов с пост-инсультной депрессией (В.В. Балаев, А.Г. Петрушевский, И.Ю. Орлов, О.В. Мартынова)	130
Восприятие времени в позднем возрасте: клинико-психологический подход (Е.Ю. Балашова)	131

произвольное внимание: если ребенок «включился», он выполняет задания. Обзор исследований (Штыров 2012) в области нейрофизиологии речевого восприятия показал, что функция восприятия речи обладает определенной степенью автоматизма, который ограничивается самыми ранними этапами обработки речи. Полная обработка устной речи мозгом невозможна без выделения для нее ресурсов внимания и не ис-

ключено, что это выделение запускается именно начальными автоматическими процессами. Если автоматические (непроизвольные) процессы играют пусковую роль в выделении ресурсов внимания для восприятия речи, то это позволяет объяснить основной симптом ИА — невключение слухового внимания, т.е. слабость функции непроизвольного понимания речи затрудняет включение внимания произвольного.

	норма	ИА
Возраст приобретения словаря	Пассивный словарь — 9–10 месяцев Активный — 10–18 месяцев	После 36 месяцев
Последовательность приобретения словаря	Вначале понимание, затем собственная речь	Одновременно приобретается активный и пассивный словарь
Становление понимания языка	От общего к частному	От частного к общему
Первые слова со значением фраз	Присутствуют	Отсутствуют
Произвольность — непроизвольность	Непроизвольное освоение языка	Произвольное, осознанное приобретение пассивного и активного словаря

Табл. 1. Сравнение освоения языка в норме и при ИА

	Освоение языка в живой языковой среде — естественный путь	Изучение языка — логический путь, результат — иностранный язык
Возраст	Родной язык — первые годы жизни, последующие языки — в течение жизни	Полноценное обучение — начиная со школьного возраста, далее в течение жизни
Последовательность становления языковой функции	Понимание речи опережает разговорную речь	Понимание часто значительно отстает от навыков говорения
Становление понимания языка	Постижение нового языка начинается с понимания общего смысла высказываний в конкретных ситуациях и, по мере освоения языка, идет к пониманию значений отдельных слов, т.е. понимание языка проходит путь от общего к частному. От прагматики к грамматике	Вначале усваиваются отдельные слова и короткие фразы и, опираясь на их значение, происходит понимание текста, т.е. путь от частного к общему. От лексики и грамматики к прагматике
Однозначность — многозначность	Слово первоначально осваивается только в одном своем значении в определенном контексте	Слово сразу может изучаться как многозначное
Произвольность — непроизвольность	Непроизвольное освоение языка	Произвольное, осознанное

Табл. 2. Сравнение двух способов освоения языка (по Александровой 2006)

Bates E., Thal D., Marchmann V. 1991. Symbols and Syntax: A Darwinian Approach to Language Development // N. Krasnegor, D. Rumbaugh, R. Schiefelbusch, M Studdert-Kennedy (Eds.) Biological and Behavioral Determinants of Language Development. Hillsdale, 29-66.

Paradis 2004 — A Neurolinguistic Theory of Bilingualism. Amsterdam/Philadelphia John Benjamins 2.

Александрова Н.Ш. 2006. Родной язык, иностранный язык и языковые феномены, у которых нет названия. Вопросы языкознания. 3: 88-100.

Выготский Л. С. 1996. Мышление и речь. М.

Цейтлин С.Н. 2000. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М.

Штыров Ю. Ю. 2012. Динамика взаимодействия между нейрокognитивными механизмами речи и внимания: электро- и магнитоэнцефалографические данные. Когнитивные исследования. Сборник научных трудов. Вып. 5 М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 117-137.

АНТРОПОМОРФИЗАЦИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ПАРТНЕРА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕЖИНДИВИДУАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

И. О. Александров¹, Н. Е. Максимова²,
Б. П. Юркевич³

almax2000@inbox.ru, nemaksimova_SEP@mail.ru,
boris.yurkevich@gmail.com

^{1,2}Институт психологии РАН (Москва),

³Locassa Ltd (London, UK)

Введение представлений об институционализированной предметной области (ИПО) предполагает обязательность ее компонентов — институционализированного сообщества и предметной области — для осуществления психологического взаимодействия (Максимова, Александров

2013). В процессе такого взаимодействия формируется наиндивидуальная психологическая структура, компоненты которой распределены на членах сообщества как ее носителях. Можно предположить, что в ситуациях неопределенности статуса любых составляющих ИПО актуален генез наиндивидуальной психологической структуры может проявляться в феномене антропоморфизации, т.е. в приписывании свойств, присущих человеку, этим составляющим ИПО.

Цель работы заключалась в том, чтобы в ситуациях стратегической игры оценить степень антропоморфизации скрытого партнера и ее соотношение с психологическими характеристиками межличностных взаимодействий.

Методика. Участники исследования (63 человека, 33 женщины, 30 мужчин, от 17 до 31 года, медиана — 21,5 лет) формировали компетенцию в стратегической игре «Крестики-нолики на поле 15×15» со скрытым (виртуальным) партнером в следующих условиях: для *группы 1* инструкция указывала, что скрытый партнер — человек, в действительности это был человек; для *группы 2* инструкция указывала, что скрытый партнер — компьютерная программа, в действительности это был человек; для *группы 3* и по инструкции, и в действительности партнером была программа; для *группы 4* инструкция указывала, что скрытый партнер — человек, в действительности это была программа. Распределение выборки по группам: 1-я группа — 16, 2-я — 14, 3-я — 19, 4-я — 14 человек. Партнеры по игре (в *группах 1* и *2*) находились в двух различных помещениях. После завершения всех игр (не менее 300 ходов, от 6 до 34 игр) каждый испытуемый заполнял две специально разработанные анкеты: «Антропоморфность партнера с точки зрения игрока» (АН-1) и «Антропоморфность игрока с точки зрения скрытого партнера» (АН-2). Каждая анкета содержала 12 пар вопросов, распределенных в случайном порядке. При оценке партнера как антропоморфного один из пары вопросов предполагал ответ «да», а другой — «нет»: такое сочетание оценивалось как указание на «антропоморфность» партнера, обратное сочетание — на «неантропоморфность», два ответа «да» или два ответа «нет» оценивали как неопределенное суждение, в случае хотя бы одного суждения «загрундуюсь ответить» паре приписывали значение «ненадежно». Антропоморфность скрытого партнера с позиции игрока (АН-1) и возможность приписывания скрытому партнеру способности суждения о свойствах игрока (АН-2) оценивали в баллах (от 0 до 12). Для повышения надежности оценок по двум анкетам рассчитывали индексы антропоморфиза-

ции (ИА-1 и ИА-2 как отношение суммы баллов «антропоморфен» к сумме баллов «антропоморфен» и «неантропоморфен»), варьирующие от 0 до 1. Для оценки характеристик межличностных взаимодействий использовали методики диагностики направленности личности Б. Басса, «Определение способов регулирования конфликтов» К. Томаса, диагностики межличностных отношений (ДМО) Л. Н. Собчик, диагностики эмпатических способностей В. В. Бойко. Чтобы выявить специфику взаимодействия игрока со скрытым партнером, перечисленные методики использовали в стандартном варианте и в модифицированном (испытуемый описывал собственные свойства с позиции виртуального партнера). Применяли точные непараметрические тесты, процедуры дискриминантного анализа, ANOVA (пакет SPSS11.2).

Результаты и их обсуждение. Абсолютные значения оценок АН-1 варьировали в *группах 1-4* от 0 до 10. При игре со скрытым партнером — компьютерной программой (*группы 3* и *4*) как абсолютные оценки, так и индекс ИН-1 были достоверно выше, чем в играх со скрытым партнером — человеком (*группы 1* и *2*), точный критерий Манна-Уитни, $p = 8.3 \cdot 10^{-6}$. Подобных различий для групп, объединенных общей инструкцией — играть с человеком (*группы 1* и *4*) или с программой (*группы 2* и *3*), независимо от действительного партнера, не выявлено. Эти соотношения выполняются как для АН-1, так и для индекса ИА-1, но не для оценок антропоморфности игрока с точки зрения скрытого партнера (АН-2 и ИА-2). Оценки антропоморфизации скрытого партнера игроком и антропоморфности игрока с точки зрения скрытого партнера (АН-1 и АН-2, ИА-1 и ИА-2) достоверно связаны друг с другом ($R_s = .406; p = .001$).

Применение дискриминантного анализа показало, что оценки антропоморфизации скрытого партнера игроком (ИА-1) связаны с психологическими характеристиками межличностных взаимодействий (в их стандартном и модифицированном вариантах): зависимая переменная — оценки ИА-1, преобразованные в две категории — по значению медианы. Дискриминантная модель ($Wilks' \Lambda = .862; p = .0012$, точность отнесения 63 испытуемых к *группам 1, 2, 3, 4* — 69,8%). В модель вошли переменные: «доминирование» (стандартная форма ДМО) и «дружелюбие» (модифицированный вариант ДМО). В дискриминантные модели, построенные на подмножествах выборки испытуемых ($Wilks' \Lambda > .862; p < .0012$, точность классификации до 83,3%), кроме оценок по ДМО, входили также стандартные и модифицированные оцен-

ки эмпатии и межличностных отношений по методикам Басса и Томаса.

Результаты применения ANOVA показали согласованный вклад условий взаимодействия со скрытым партнером (сочетания действительного партнера и партнера, указанного инструкцией) и успешности игры (отношение выигрышей к количеству совершенных игр, категоризованное по медиане) в оценки антропоморфизации скрытого партнера игроком (ИА-1). Результаты ANOVA: $df = 7$; $F_{\text{corr-model}} = 5.01$; $p = .0002$; взаимодействие факторов: $df = 3$; $F = 2.77$; $p = .050$). *Post-hoc* анализ (Бонферрони) показал, что пиковое значение ИА-1 принадлежит *группе 3* и соответствует минимуму успешности игры. Для оценок антропоморфности игрока с точки зрения скрытого партнера (ИА-2) достоверных дискриминантных и дисперсионных моделей не найдено.

Таким образом, для ситуации виртуального партнера и высокой неопределенности его свойств, и даже при декларируемой подмене человека техническим устройством, антропоморфизация партнера является неотъемлемой чертой конкретного взаимодействия. Соответствие

степени антропоморфизации скрытого партнера игроком и антропоморфности игрока с точки зрения скрытого партнера, т.е. приписывание способности рефлексии виртуальному партнеру, а также закономерное включение в модели психологических характеристик игрока, атрибутированных ему виртуальным партнером, позволяет предположить, что психологическое взаимодействие, даже в упрощенной искусственной ситуации исследования, невозможно без актуализации индивидуальной психологической структуры, релевантной реальным или виртуальным членам институализированного сообщества.

Публикация выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-06-00082а. Работа выполнена в рамках исследовательской программы Ведущей научной школы РФ «Системная психофизиология» (НШ-9808.2016.6).

Максимова Н.Е., Александров И.О. 2013 Компоненты психологического взаимодействия и возможность их операционализации // Человек, субъект, личность в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. Материалы конференции. Т. 3. М.: «Институт психологии РАН», 161-164.

РЕГРЕССИЯ

Ю.И. Александров

yuraalexandrov@yandex.ru

Институт психологии РАН (Москва)

Несмотря на долгую историю использования представления о регрессии, ее проявления, механизмы остаются малоизученными, специальные экспериментальные исследования единичны, а мнения о ее значении — весьма противоречивы. Под регрессией обычно понимается примитивизация поведения, понижение «уровня его организации», возвращение на более ранние стадии развития, к более ранним «поведенческим моделям», «возвращение в детство». Феномены регрессии наблюдаются при стрессе, разнообразных заболеваниях, сильных эмоциях, алкогольной интоксикации.

Цель настоящего экспериментально-теоретического исследования состояла в том, чтобы выявить, какие закономерности динамики субъективного опыта и его мозгового обеспечения лежат в основе феноменов, описываемых как регрессия и выявляемых при, казалось бы, весьма разнородных состояниях и воздействиях. Достижение этой цели осуществлено нами путем многоуровневого (от генетической и импульсной активности нейронов животных до по-

ведения здоровых людей и людей, страдающих хроническим заболеванием) анализа динамики субъективного опыта в ситуациях, связываемых с регрессией.

Ранее в многочисленных экспериментах установлено, что осуществление поведения обеспечивается посредством реализации новых наиболее дифференцированных систем (элементов опыта), сформированных на сравнительно более поздних этапах развития, и одновременной актуализации множества более старых менее дифференцированных систем, сформированных на более ранних этапах индивидуального развития. Чем выше пропорция активных в реализующемся поведении элементов, принадлежащих низкодифференцированным системам, тем выше интенсивность эмоций.

Выявлено, что при остром введении алкоголя происходит регрессия, в основе которой лежит обратимая дедифференциация: относительное увеличение представленности в актуализированном опыте низкодифференцированных систем. Сложность организации поведения под действием алкоголя достоверно понижается; при этом обнаруживается уменьшение межиндивидуальных различий просоциального поведения людей. При научении в условиях